

— Можешь попробовать убить меня! Думаешь, я тебя испугаюсь? Демон! Пусть я не смогу тебя убить, но ты должен знать — все события тех лет: ни учитель не был согласен, ни я не был согласен, всё было вынуждено под твоим давлением! Ладно уж был сам по себе ни человек ни призрак, мрачный и жуткий, так ещё и мужчин любишь — просто тошнотворно! Пальцы холодные, как у твоих покойников, каждый раз после твоего прикосновения меня рвёт!

В его объятиях сердцебиение Мужун Чжи резко нарушилось, тело изогнулось, словно от невыносимой боли. Если бы Се Люй не держал его сейчас, он бы уже бросился рвать рот Ци Яню.

— Ах ты мерзавец! Ты правда думаешь, что наш А Чжи жаждет прикоснуться к тебе? Такую посредственность, как ты, если бы ты не выкладывался изо всех сил, умоляя его прикоснуться, он бы даже не взглянул на тебя! И ещё смеешь тут кричать? Если не трус, стой и не убегай!

С этими словами он подхватил Мужун Чжи, прыгнул на землю, помог ему встать, и тут же мгновенно оказался на крыше перед только что поднявшимся Ци Янем, взлетел ногой и сбил его, снова придавив поясницей к балке.

[Однако ты всё равно не справишься с Се Люем.]

— Я же только что сказал тебе: скажешь ещё одно слово — искалечу! А ты не верил! Смотри, посмею я или нет!

Внезапно он почувствовал на ноге лёгкую боль, а затем онемение. Се Люй нахмурился, опустил взгляд — оказалось, Ци Янь снова достал несколько метательных колючек, похоже, ещё и с наркотиком. К счастью, Се Люй, много повидавший в боях, не слишком боялся яда, да и сапоги были сшиты из оленьей кожи, добытой Мужун Чжи на весенней охоте, довольно плотные, поэтому они не слишком пронзили.

Эх.

Снова метательное оружие, совсем не честно.

Тан Цзи — ладно уж. Но А Чжи в те годы дошёл до того, что был вынужден искать тепла у такого ничтожества, на которое и смотреть-то противно?

Се Люй всегда чувствовал, что если бы Мужун Чжи действительно так поступил, он сам тоже вряд ли избежал бы ответственности.

Вздохнув, он просто ногой отправил Ци Яня в нокаут.

Ещё хотел добавить, вообще сломать ему несколько рёбер. Но подумал, что нужно хоть немного сохранить лицо для его учителя Тан Цзи, в конце концов, нельзя было так поступать.

Как раз сегодня ночью прохладно, роса глубокая — полезай-ка ты, парень, на крышу, помёрзни ночь.

Если подхватишь простуду или что-то подобное — вот и будет тебе урок.

Спрыгнув с крыши, он обнаружил, что Мужун Чжи уже не на прежнем месте. Се Люй огляделся и увидел, что тот босиком, шатаясь, не обращая внимания на прилипшие к телу длинные волосы и промокшую верхнюю одежду, лишь угрюмо опустив голову, сам идёт вдаль.

— А Чжи, А Чжи, куда ты?

Се Люй поспешил догнать его:

— Возвращаться нужно не туда, а сюда. А Чжи, куда ты идёшь? Не игнорируй меня! А Чжи, у тебя ещё болит сердце?

Мужун Чжи под луной был бледен, как призрак или утопленник, не смотрел по сторонам, не слышал, Се Люй несколько раз тянул его, но тот не останавливался, пришлось обнять сзади.

— А Чжи!

Мужун Чжи весь содрогнулся, лишь плотно закрыл глаза, руки протянул сквозь растрёпанные волосы, заткнул уши.

— А Чжи, А Чжи, ты... не надо так.

— Всё уже прошло, того, кто несёт чушь, я уже уложил. Если ты ещё недоволен, я велю Сяо Е Пу сварить зелье, чтобы онемел язык, и он больше никогда не сможет нести чушь?

Но человек в его объятиях словно всё ещё ничего не слышал, лишь бледнея, слегка дрожал, закрыв глаза, молчал.

Се Люй пришлось снова взять его на руки.

Вернулись в комнату через главный вход, прошли через внешний зал. В зале горела свеча, А-Ли и Е Пу ещё не спали. Увидев, как бледного Мужун Чжи вносят на руках, Е Пу вскочил на ноги.

— Что с учителем? Ты... что ты снова сделал учителю?

— Э-э... ничего, ничего, — всё, что произошло только что, Се Люй, естественно, не собирался объяснять Е Пу, лишь рассмеялся:

— Твой учитель... это он смущается, дует на меня, скоро пройдёт, хе-хе.

Е Пу и слушать не хотел его болтовни, преградил путь.

— Эй, говорю, ученик, у тебя что, глаз нет? Твой учитель и дедушка-учитель как раз собираются провести прекрасную ночь, а ты, ученик, без дела вмешиваешься?

— Ты несёшь чушь! Быстро опусти учителя!

— А-Ли, — тогда Се Люй взглянул на А-Ли, многозначительно прищурился:

— Быстро, помоги дедушке-учителю удержать этого непонимающего романтики воришку.

— Есть, дедушка-учитель.

— Эй! А-Ли, почему ты ему помогаешь? А-Ли, ты с ума сошёл? Как ты ему помог? Отпусти, отпусти!

Пока тот боролся, Се Люй, держа на руках Мужун Чжи, важно вошёл в комнату, но через мгновение снова вышел в зал, быстро занёс туда большой узел, полный золота и

драгоценностей, и тогда уже хлопнул дверью, запер её изнутри.

В комнате Мужун Чжи сидел на шезлонге, опустив глаза, подавленный, не говоря ни слова.

Се Люй, отложив сокровища, сразу же проворно сходил наружу, набрал таз воды, собираясь помыть ноги Мужун Чжи, испачканные уличной пылью.

— А Чжи, не грусти и не обращай внимания на болтовню этого мерзавца по фамилии Ци. Завтра утром я сразу пойду пожалуюсь его учителю на его злодеяния, чтобы его учитель наказал его тридцатью годами размышлений о ошибках лицом к стене!

— Выйди...

— Я не выйду, — Се Люй придвинул маленькую табуретку к его ногам и сел:

— Я не могу выйти. У тебя плохое настроение, я, конечно, должен быть с тобой.

— ...Выйди!

— А Чжи, я не уйду.

— Выйди — я не хочу тебя видеть!

— Ладно, А Чжи, — Се Люй, схватив его за лодыжки, опустил его ноги в воду, очень осторожно протирая тряпкой:

— Если в душе есть обида, скажи мне, хорошо?

— ...

— Не волнуйся. Что бы другие ни говорили, я буду делать вид, что не слышал, я верю только словам А Чжи. Поэтому, даже если он клеветает на тебя, я не поверю.

Мужун Чжи помолчал, издал несколько подавленных горьких смешков. Се Люй поднял на него взгляд и увидел, что тот, красноглазый, откинулся на спинку кресла, с выражением полной безысходности.

— Никакой клеветы... Всё, что он сказал, — правда.

— ...

— Этот человек... Ци Янь сказал правду, теперь ты доволен?

— А, — Се Люй сухой тряпкой вытер одну ногу, уже хотел взяться за другую, но Мужун Чжи неучтиво оттолкнул его.

— Глаза Тан Цзи я выколол! Ци Яня тоже держал в Дворце Внимающих Снегу, заставлял быть наложником! Он не ошибся, я — злодейский демон еретического учения, творящий всевозможные злодеяния! Разве не принуждал и тебя остаться со мной в те годы? Потом точно так же принуждал других! Раз ты сам через это прошёл, разве не знаешь, правда ли то, что он говорит?

— ...

— Хе, мне обидно... Под небом так много людей, почему лишь я один одинок и несчастен? Мне просто нужен, чтобы кто-то был со мной! Раз вы тогда были спасены мной, раз я вас спас, ваши жизни принадлежат мне! По какому праву вы отказываетесь оставаться со мной?

— Поэтому я хотел оставить вас всех. Кто посмеет сбежать — поймаю; кто посмеет сбежать снова — убью! Теперь ты окончательно понял, кто я такой? Понял — тогда быстро проваливай, сейчас ещё не поздно!

— А Чжи...

— Проваливай!

— ...

— Хе... Смотрю, как ты раз за разом защищаешь меня, как даже сейчас готов верить в мою невиновность, просто смешно и жалко! Во всём мире, пожалуй, лишь ты один остаёшься в неведении! До сих пор думаешь, что я — тот же Мужун Чжи, что десять лет назад, просто неисправимый глупец! Хах, теперь, когда узнал правду, что чувствуешь?

— Уходи быстрее... Исчезни с моих глаз! Отныне не смей попадаться мне на глаза!

Мужун Чжи смеялся, смеялся и наконец горько заплакал. А когда он выплакался и отсмеялся, Се Люй уже исчез вместе с его тазиком.

...

В конце концов ушёл.

Наконец он узнал, какой я человек. Наконец не нужно больше скрывать, тревожиться.

Хорошо, лучше всего, чтобы он ушёл.

Если бы... если бы он никогда не возвращался.

Если бы самый драгоценный Сяо Цзян тех лет мог навсегда помнить мой незапятнанный первоначальный облик.

...

Пока он так думал, дверь снова открылась.

Се Люй с обычным выражением лица, осторожно неся горячую белую фарфоровую чашку, вошёл внутрь.

— А Чжи, я приготовил для тебя немного мёда с водой. Смотри, ты принял лекарство, потерял внутреннюю силу, не говоря уж о том, что долго был в лекарственном бассейне, потом так сильно разозлился, наверняка хочешь пить?

— ... — Мужун Чжи не понимал, сон это или явь, в полудрёме принял ещё тёплую медовую воду. Поднёс ко рту, пар затуманил его покрасневшие глаза, снова вызвав боль.